

М.Л. Калугина

А.П. Чехов и его современники: сближения и отталкивания

Аннотация: В статье систематизируются представления о литературных связях Чехова с его современниками, чье влияние он испытал на своем творчестве и на кого влиял сам. Выявляются самые близкие, с точки зрения эстетической стратегии писателя, «спутники» Чехова.

Ключевые слова: Чехов, Потапенко, Леонтьев-Щеглов, Немирович-Данченко, письма, воспоминания

Abstract: The article systematizes some concepts of Chekhov's literary connections with his contemporaries, whose influence on his work he experienced and on whom he influenced himself. In the article the closest Chekhov's "satellites", in terms of the aesthetic strategy of the writer are identified.

Key words: Chekhov, Potapenko, Leontiev-Shcheglov, Nemirovich-Danchenko, letters, memoirs

«Спутники Чехова», его литературные современники, равно как и предшественники, – тема совсем не новая, а скорее, напротив, хорошо разработанная в литературоведении и театроведении¹. В частности, это относится к так называемой «артели восьмидесятников», из которой во многом вышел и сам Чехов. Это такие имена как И.Н. Потапенко, И.Л. Леонтьев-Щеглов, А.С. Лазарев-Грузинский, М.П. Чехов (младший брат А.П. Чехова), В.И. Немирович-Данченко и др. Хорошо известен также и тот факт, что Чехов очень скоро «перерос» многих своих литературных сверстников и собратьев по перу и стал тем, кем он остался навсегда в истории русской и мировой литературы, – последним классиком XIX века.

«Чехова – художника и человека – формировало мучительное противостояние восьмидесятнической идее фатальной среды», – верно заметил по этому поводу В.А. Келдыш². Писателю в дальнейшем удалось преодолеть это противостояние, выбиться из него, хотя, конечно, он и оставался во многом человеком своего времени. В этой связи интересным представляется изучение связей Чехова с его старшими современниками. Многие из них стали для него близкими людьми на

¹ См.: А.П. Чехов и его время. М.: Наука, 1977. 359 с.; Катаев В.Б. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова / Под ред. В.Б. Катаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 548.

² Келдыш В.А. Русский реализм XX века. М.: Наука, 1975. С. 73.

всю жизнь. Это такие деятели литературы, как Н.А. Лейкин, Д.В. Григорович, А.Н. Плещеев, Л.И. Пальмин, Я.П. Полонский, А.С. Суворин и др. О некоторых из них мы скажем подробнее.

Николай Александрович Лейкин (1841–1906) сыграл большую роль в жизни и становлении творчества Чехова в самом начале его литературного поприща. Чехов познакомился с Лейкиным в 1882 г. в Москве, еще до окончания Московского университета. В газете «Осколки» Лейкиным было опубликовано множество ранних юмористических рассказов Чехова, который был одним из ведущих авторов газеты: в 1884–1885 гг. он получал там основную часть своего литературного заработка и был наиболее выгодным, интересным и читаемым автором для Лейкина. Но необходимо отметить, что последний смотрел на литературу в большей мере как на ремесло, и Чехов в его глазах был талантливым молодым человеком, которого надо всячески учить литературному делу. Чехова в конечном счете это не могло устраивать, и поэтому он впоследствии отошел от Лейкина и всей «массовой прессы» 1880-х гг., хотя во многом был сформирован ею. Рассказы Чехова среди других публикаций «Осколков» выглядели, по выражению Ю. Соболева, как «рассыпанные на сером сукне алмазы»¹. Тем не менее Чехов, будучи уже знаменитым писателем и обеспеченным человеком, несмотря ни на что, вплоть до конца 1890-х гг. поддерживал отношения с Лейкиным, считая «Осколки» «своей купелью», а Лейкина своим «крестным батькой»², хотя в зрелые годы уже тяготился фельетонно-репортерской и юмористической тематикой: «Я, пожалуй, могу написать про думу, мостовые, про трактир Егорова... Да что тут осколочного и интересного?» – писал он Лейкину в письме от 22 марта 1885 г.³

Серьезных же произведений Чехова, в частности повесть «Степь», с которой во многом начинается настоящий Чехов, Лейкин не понял и не оценил, считая его только лишь сочинителем мелких юмористических рассказов. Чехов остался для него совершенно непонятым и чуждым.

Дмитрий Васильевич Григорович (1822–1899), в 1880-е гг. бывший своего рода «патриархом» русской литературы, как известно, одним из первых обратил внимание на крупный талант Чехова и призвал его в первом письме к нему от 25 марта 1886 г. не размениваться на мелочи и приняться за работу над крупным произведением. Но крупного произведения, как понимал это Григорович, в жанре романа, традиционного для русской литературы XIX в., Чехов так и не написал никогда: это не было в конечном счете в характере его дарования. По этому поводу есть интересное, хотя, быть может, и не совсем бесспорное соображение современной исследовательницы Е.Д. Толстой-Сегал: «Характерно, что в середине девяностых, когда Чехов все-таки обращается к традиционной форме романа на биографической оси (“Три года”, “Моя жизнь”), ни тонкость описательного языка, ни животрепещущая тема не спасают его от разочаровывающего монологизма, скуки, провисания сюжета. Цикл коротких рассказов, соотнесенных по принципу контрапункта, – так называемая “маленькая трилогия” – выводит его из тупика»⁴. «У Вас настоящий талант, – талант, выдвигающий вас далеко из круга литераторов нового поколения», – писал Григорович Чехову⁵. Чехов был тронут и взвол-

¹ Соболев Ю.В. Чехов. Статьи, материалы, библиография. М.: Федерация, 1930. С. 35.

² Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 87.

³ Переписка А.П. Чехова: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1984. С. 143.

⁴ Толстая Е. Поэтика раздражения. М.: Радикс, 1994. С. 149.

⁵ Переписка А.П. Чехова: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1984. С. 276

нован этим письмом, он ответил Григоровичу прочувствованным посланием, в котором назвал его своим «благовестителем».

Лично Чехов познакомился с Григоровичем в декабре 1885 г., в свой первый приезд в Петербург, и вскоре между ними началась дружба и переписка. Поначалу Григорович оказывал большое влияние на Чехова и его литературную работу. Приезжая в Москву, Григорович неизменно бывал у Чехова, в частности в его «Доме-Комоде» на Садовой-Кудринской. Все члены семьи Чехова, как вспоминал об этом его младший брат Михаил Павлович Чехов, очень полюбили этого высокого, красивого, импозантного старика, настоящего русского барина, светского, остроумного человека.

Чехова-писателя Григорович считал прямым продолжателем Тургенева, прежде всего рассказы и повести 1880-х гг. – «Егерь», «Володя», «Степь» и др. Однако поздние произведения Чехова, и прежде всего пьесы, Григоровичу, как писателю старой школы, казались странными и непонятными. Вспомним, что новаторскую сущность Чехова-драматурга не оценил даже Лев Толстой. Это непонимание постепенно привело к отчуждению. В письмах Чехова к разным лицам то и дело проскальзывали скептические и даже прямо отрицательные интонации по отношению к Григоровичу, он высказывался о нем даже как о «виртуозно неискреннем» человеке. Однако это не помешало Чехову до конца жизни в целом с уважением и благодарностью относиться к Григоровичу как к одному из наставников в годы своей нелегкой литературной молодости.

Чехов и знаменитый издатель газеты «Новое время», прозаик и драматург Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) – очень большая, разноаспектная тема. Интересно и показательно, что Суворину принадлежит одна из самых верных и точных характеристик Чехова – человека и писателя, зафиксированная одним из литературных сверстников Чехова И.Л. Леонтьевым-Щегловым: «...кремень-человек и жестокий талант по своей суровой объективности»¹. Такая оценка, нельзя не отметить, в корне разнилась со многими расхожими суждениями о Чехове.

Дом Суворина стал для Чехова постоянным местопребыванием во время поездок в Петербург. «Разливная чаша» – кратко определил писатель однажды «стиль» этого гостеприимства. Однако «помимо естественной благодарности за поддержку и гостеприимство, Суворин вызывал у Чехова и интерес вообще», – читаем в книге А.М. Туркова «А.П. Чехов и его время»². Вот именно этот-то «интерес вообще» и способствовал укреплению многолетних отношений между Чеховым и Сувориным, о чем можно судить по обширной переписке этих двух столь различных и по возрасту, и по характеру людей. Письма Чехова к Суворину – это наиболее яркие образцы «почтовой прозы» Чехова, если воспользоваться известным выражением В.Я. Лакшина. Чехов очень трезво относился к своему старшему современнику. В письме к И.Л. Леонтьеву-Щеглову из Феодосии (июль 1888 г.) содержится во многом исчерпывающая оценка Суворина: «В искусстве он изображает из себя то же самое, что сеттер в охоте на бекасов, т. е. работает чертовским чутьем и всегда горит страстью. Он плохой теоретик, наук не проходил, многого не знает, во всем он самоучка, – отсюда его чисто собачья неиспорченность и цельность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи беден теориями, он поневоле должен был развить в себе то, чем богато наделила его природа, поневоле он

¹ Литературное наследство. Т. 68. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 484.

² Турков А.М. Чехов и его время. М.: Советский писатель, 2003. С. 229.

развил свой инстинкт до размеров большого ума»¹. Чехов с огромным вниманием и пиететом относился к Суворину и его газете, где было напечатано большое количество его произведений. Политическая же физиономия «Нового времени», которую М.Е. Салтыков-Щедрин определил знаменитой фразой «Чего изволите?», как вспоминал впоследствии А.В. Амфитеатров, почти не касалась «ее сотрудников по художественной литературе, и от них к этой части (политической) газеты приспособления отнюдь не требовалось»².

Не будет преувеличением сказать, что ни в каких других письмах, как именно и почти только в письмах к Суворину, Чехов – замкнутый, сдержанный и ироничный человек, для многих современников так до конца и оставшийся непонятым, – раскрывался с предельной откровенностью: нигде он так открыто не провозглашал своих литературно-эстетических взглядов и мнений по самым разнообразным предметам. Именно в многочисленных письмах к Суворину мы находим наибольшее количество высказываний Чехова о литературе, о своих литературных планах и замыслах, о разнообразных явлениях жизни вообще, о писателях прошлого и современных литераторах, без чего невозможно никакое знание творческой биографии Чехова. Меткий глаз Чехова-художника и человека, его философия, его исключительно трезвый, лишенный каких бы то ни было иллюзий ум предстают в его письмах к Суворину почти исчерпывающим образом. Чехов хотя и не до конца симпатизировал Суворину и не «дружил» с ним в обычном смысле этого слова, как он дружил со многими другими своими современниками, однако же всецело ему доверял – и в этом состоит в определенном смысле парадокс этой во многом загадочной дружбы.

Из «спутников» Чехова, его сверстников также следует обратиться к имени Игнатия Николаевича Потапенко (1856–1929), одного из самых популярных и плодотворных беллетристов и драматургов чеховского времени. Чехов был с ним коротко знаком с 1889 г., их отношения, невзирая на различие талантов и писательских индивидуальностей, были начисто лишены какой-либо дисгармоничности, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Потапенко взял на себя хлопоты по постановке чеховской «Чайки» в петербургском Александринском театре в 1896 г. Он был свидетелем ее знаменитого провала. Как писатель Потапенко мало интересовал Чехова, не был ему близок; по всей вероятности, Чехов не считал его значительной литературной величиной. В письмах Чехова почти отсутствуют какие-либо высказывания о произведениях Потапенко. Но что касается Потапенко, то он, известный своим «многописанием», очень высоко ставил чеховскую лаконичность и был горячим поклонником чеховского творчества.

В своих воспоминаниях «Несколько лет с А.П. Чеховым» Потапенко говорил об «изящной», «очаровательной» душе Чехова, но в то же время отмечал, что это был достаточно закрытый человек, не выносивший «подглядывания» в свою жизнь, благодаря чему у Чехова, по мнению Потапенко, не было друзей и он внутренне был очень одинок. «Его всегдашнее спокойствие, ровность, внешний холод какой-то казавшейся непроницаемой броней окружал его личность. <...> В ней (в чеховской душе. – М.К.) наряду с великодушием и скромностью жили и гордость, и тщеславие, рядом с справедливостью – пристрастие. Но он умел как истинный мудрец управлять своими слабостями, и оттого они у него приобретали характер достоинств. Удивительная сдержанность, строгое отношение к высказы-

¹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 297.

² Амфитеатров А.В. Собр. соч. Т. XXXV. СПб.: Шиповник, [Б.г.]. С. 234–235.

ваемым мнениям, взвешивание каждого слова придавали какой-то особенный вес его словам, благодаря чему они приобретали характер приговора»¹. Пожалуй, Потапенко удалось, как мало кому другому, понять особенности внутреннего мира своего великого современника и приятеля.

В течение многих лет Чехов был близко связан с писателем-восьмидесятником Иваном Леонтьевичем Леонтьевым-Щегловым (1856–1911), состоял с ним в длительной и содержательной переписке. С ним у Чехова, несмотря на «разность литературных положений» и «всяческие житейские превратности»², было много общего. Леонтьев-Щеглов был свидетелем возникновения замыслов многих известных чеховских произведений, о чем он впоследствии рассказал в своих воспоминаниях. Чехов, несмотря на свою известную закрытость и замкнутость, охотно делился со своим литературным собратом творческими планами, много говорил о том, что его волновало. Это были сюжеты будущих рассказов и повестей, таких как «Тиф», «Скрипка Ротшильда», «Скучная история», «Попрыгунья» и др. Леонтьев-Щеглов, как и Потапенко, принимал близкое участие в подготовке к сценическому воплощению «Чайки», с которой, как известно, начинается театр Чехова. Театру вообще уделялось очень много внимания в разговорах и переписке писателей. Чехов очень обостренно ощущал рутинность, во многом исчерпанность и обветшалость старых театральных форм и в особенности театральных нравов. Так, в письме к Леонтьеву-Щеглову от 16 или 17 ноября 1888 г. Чехов призывал своего корреспондента: «Пишите пьесы – спасение театра в литературных людях»³. Именно в этом Чехов видел один из важнейших путей обновления сцены. А в другом письме к Леонтьеву-Щеглову от 20 декабря 1888 г. Чехов сравнил театр со змеей, сосущей кровь, и писал далее: «Пока у вас беллетрист не победит драматурга, до тех пор я буду есть вас и предавать ваши пьесы проклятию»⁴.

Интересно, что в тех рассказах Чехова, где речь идет о театре и «тружениках сцен» – актерах: «О драме» (1884), «Тапёр» (1885), «Хористка» (1886) и др., – театр предстает, по наблюдению современных исследователей, как «символ притворства, фальши, символ антижизни», они наполнены «чеховской глубиной проникновения в конфликты и парадоксы русской жизни, где человек, имеющий несчастье принадлежать к сфере искусства и не достичь вершин успеха, бесправен и унижен уже потому, что он принадлежит к этой сфере и на нем клеймо социальной отверженности»⁵.

Примерно так изображал театральные нравы в своем беллетристическом творчестве Леонтьев-Щеглов, и в этом смысле здесь наблюдается явная переключка с Чеховым, несмотря на всю «разность литературных положений». В драматургии же Леонтьева-Щеглова, при всей ее традиционности и почти полной забытости сейчас, определенно намечены те же мотивы неудовлетворенности современной сценой, которые наиболее законченно проявились в чеховской «Чайке» и опосредованным образом ранее – в «Иванове», свидетелем создания и неожиданного успеха которого на петербургской Александринской сцене был Леонтьев-Щеглов в 1889 г.

¹ Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1952. С. 219.

² Там же. С. 112.

³ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма : В 12 т. Т. 3. М.: Наука, 1975 С. 73.

⁴ Там же. С. 99. Ср.: «Современный театр – это мир бестолочи, тупости и пустозвонства» (из письма от 1888 г.: там же. С. 68).

⁵ Штейнгольд А.М., Таборисская Е.М. Феномен театра А.Н. Островского и А.П. Чехова // Studia Metrica et Poetica: Сб. статей памяти Петра Александровича Руднева. СПб.: Академический проект, 1999. С. 237.

Следует сказать и еще об одном писателе и современнике Чехова – Александре Семеновиче Лазареве-Грузинском (1861–1927), также сотрудничавшем в «Осколках», «Будильнике», «Петербургской газете» и других изданиях, в которых много печатался Чехов. По специальности Лазарев-Грузинский был педагогом. Он начал выступать в печати в середине 1880-х гг. и с Чеховым познакомился тогда же, в 1886 г. Чехов относился к нему по-товарищески и всячески стремился поддержать его дарование и литературные успехи. В письмах он часто давал ему советы относительно литературного мастерства, содержавшие в себе истинные блестящие чеховского ума и таланта. В письме к Лазареву-Грузинскому от 20 октября 1888 г. Чехов сделал очень важное, принципиальное признание: «Я счастлив, что указал многим путь к толстым журналам, и теперь не менее счастлив, что по моей милости те же самые многие могут рассчитывать на академические лавры. Все мной написанное забудется через 510 лет, но пути, мною проложенные, будут целы и невредимы»¹.

Находясь под впечатлением одной из встреч с Чеховым, Лазарев-Грузинский в письме к писателю Н.М. Ежову от 29 марта 1887 г. определил Чехова как «большого мастера слога и сравнений». Например, Чехов «совершенно справедливо говорит, что <...> нельзя <...> черное называть черным прямо, белое белым прямо»², а следует искать какие-то опосредованные точные и выразительные детали, которые только и могут быть подлинно художественными. Интересно, что это было одним из первых критических мнений о Чехове.

Общаясь в течение ряда лет с Чеховым, Лазарев-Грузинский, подобно Леонтьеву-Щеглову, оказывался свидетелем возникновения разных чеховских сюжетов, в том числе неосуществленных и утраченных. Однажды Чехов предложил Лазареву-Грузинскому совместно писать водевиль «Гамлет, принц датский», что, однако, не состоялось. Об этом Лазарев-Грузинский приводит ценные сведения в своих воспоминаниях о знакомстве и встречах с Чеховым, а также в статье «Пропащие романы и пьесы Чехова»³.

Ведя речь о современниках и «спутниках» Чехова, невозможно обойти вниманием Татьяну Львовну Щепкину-Куперник (1874–1952), поэтессу, драматурга, известную переводчицу, писательницу-беллетриста, а также автора превосходных, ставших классическими мемуаров о людях литературы и театра, в которых значительное место занимают воспоминания о встречах и дружбе с Чеховым. Как беллетрист Щепкина-Куперник испытала безусловное влияние Чехова, что наиболее выразительно проявилось в ее рассказах, объединенных в сборники «Незаметные люди» и «Ничтожные мира сего» (1899). Название первого сборника, как нетрудно заметить, напоминает заглавие известного сборника чеховских рассказов «Хмурые люди» (1886).

В рассказах Щепкиной-Куперник проходит галерея именно незаметных людей, часто обиженных жизнью, страдающих, поэтому здесь явно можно усмотреть присутствие чеховских интонаций и отголосков его тем, мотивов, настроений. Это заметил и высказал в своей рецензии на сборники Щепкиной-Куперник Леонид Андреев на страницах московской демократической газеты «Курьер», которую хорошо знал Чехов на рубеже веков.

¹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 3. М.: Наука, 1976. С. 47.

² Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1952. С. 520.

³ См.: Энергия: Сборник. Кн. 3. Пг., 1914.

Щепкина-Куперник поддерживала дружеские отношения с Чеховым и его семьей, часто в середине 1890-х гг. гостила у Чеховых в Мелихове, была там своим человеком. Чехов в свою очередь с большим вниманием относился к творчеству молодой одаренной писательницы, уважая в ее лице профессионального литератора (что в целом не было характерно в ту пору по отношению к женщинам, занимавшимся литературным трудом вообще). Но для Чехова это было очень характерно. Как не вспомнить его знакомство и переписку с Л.А. Авиловой! Чехов призывал молодую писательницу к отказу от «готовых» слов, словесных штампов и прочей безвкусицы, которая была столь ему ненавистна и с которой он неустанно боролся. Кроме того, он стремился развить у Щепкиной-Куперник способность к объективному изображению героев (что было для него самого непреложным законом литературного творчества), и если сочувствовать, сострадать им, то не говорить ни в коем случае об этом напрямик. Положительно отзывавшись об одном из рассказов Щепкиной-Куперник, «Одиночество»: «Рассказ положительно хорош, и нет сомнения, Вы умны и бесконечно хитры. Меня больше всего тронула художественность рассказа»¹, – Чехов отметил сходство героини рассказа с С.П. Кувшинниковой, черты которой отразились в образе Ольги Ивановны Дымовой из его рассказа «Попрыгунья». А в письме из Ялты от 26 декабря 1898 г. Чехов писал Щепкиной-Куперник: «Когда пришлете мне Вашу книжку стихов? Кстати о стихах: Ваше стихотворение в “Н<овом> в<ремени>” (монастырь)² просто прелесть, одно великолепиие»³.

Чехов был одним из самых дорогих воспоминаний для Щепкиной-Куперник в течение всей ее долгой жизни, а она пережила Чехова почти на полвека.

Среди деятелей театра, современников Чехова, заметное место принадлежит в его биографии Александру Ивановичу Сумбатову-Южину (1867–1927) и особенно Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко (1858–1943). В скобках заметим, что оба знаменитых театральные деятели были родственниками: они были женаты на родных сестрах – Южин на Марии Николаевне, а Немирович-Данченко на Екатерине Николаевне Корф.

В конце 1880-х гг. Чехов заявил о себе как драматург. Были опубликованы и поставлены на сцене его пьесы: «Медведь», «Предложение», «Свадьба», «Иванов», «Леший» – предтеча будущего «Дяди Вани». После этого наступил перерыв. И только под влиянием уговоров друзей и знакомых, в частности Южина, в середине 1890-х гг. Чехов вернулся к написанию пьес для театра и создал «Чайку». По своим эстетическим позициям Чехов и Южин отличались друг от друга самым противоположным образом. Как драматург и как актер Южин был адептом романтической приподнятости, ярких красок, без всяких полутон, которые были столь характерны для Чехова. Об этом хорошо писал их общий приятель Немирович-Данченко, вспоминая спор, произошедший между Чеховым и Южиным в одной из московских литературно-артистических компаний: «Южин любил в романе образы яркие и сценичные, Чехов любил даже в пьесе образы простые и жизненные. Южин любил исключительное, Чехов – обыкновенное. Южин – грузин, прекрасный сын своей нации, темперамента пылкого, родственного испанскому, любил эффекты открытые, сверкающие, Чехов, чистый великоросс, – глубокую закрытость страстей, сдержанность. А самое важное в этом споре: ис-

¹ Переписка А.П. Чехова: В 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит.-ра, 1984. С. 80.

² Стихотворение называется «На кладбище».

³ Переписка А.П. Чехова: В 2 т. Т. 2. С. 88

куство Южина звенит и сверкает так, что вы за ним не видите жизни, а у Чехова за жизнью, как он ее рисует, вы не видите искусства. Право, это спорили Малый театр с каким-то новым, будущим, еще даже не зародившимся»¹.

Однако эта противоположность эстетических позиций не мешала ни дружеским отношениям между Чеховым и Южиным, ни глубокому взаимопониманию и взаимоуважению. Южин очень высоко ценил творчество Чехова, и, в частности, ему принадлежит восторженный отзыв о рассказе «Мужики». «Удивительно высок и целен твой талант в “Мужиках”, – писал Южин Чехову в мае 1897 г. – Ни одной слезливой, ни одной тенденциозной ноты. И везде несравненный трагизм правды, неотразимая сила стихийного шекспировского рисунка; точно ты не писатель, а сама правда»². А в другом письме от 21 марта 1909 г. Южин признавался: «Я, например, <...> совсем не лажу с твоим мировоззрением, а люблю твои вещи, пожалуй, больше всего, что написано за последние 25 лет. <...> Так заклеить научное мещанство, как ты это сделал в “Дяде Ване”, как ты это делаешь повсюду, вряд ли удастся теми приемами, какие практикует Горький»³.

Восторженно отзываясь о чеховских «Чайке» и «Дяде Ване», Южин имел серьезные намерения поставить их на сцене Малого театра, считая, что художественный театр несколько обедняет драматургию Чехова, для которой требовался, по его мнению, театр актера, каким всегда был Малый театр, а не театр режиссерских изысков. Но этому не суждено было осуществиться – жизнь пьесам Чехова дал именно Художественный театр.

В связи с предполагавшейся, но не состоявшейся постановкой пьесы «Леший» на сцене Малого театра в 1889 г. Чехов в одном из писем к Южину высказал, – правда, в столь свойственном ему шутовском тоне, – совсем нешуточную тревогу: «после “Макбета”, когда публика настроена на шекспировский лад, эта пьеса («Леший». – *М.К.*) рискует показаться безобразной. Право, видеть после красивых шекспировских злодеев эту мелкую грошовую сволочь, которую я изображаю, – совсем не вкусно»⁴. И это было в самом деле так. Но при этом следует отметить, что пьесам Чехова также присуща театральность, но иная, чем свойственна той же драматургии Южина с ее яркими контрастами и страстями. Именно таковой была театральность «Чайки», «Дяди Вани», а затем «Трех сестер» и «Вишневого сада». В связи с этим нам представляется существенным следующее замечание одного из самых тонких и вдумчивых исследователей творчества Чехова – профессора Г.А. Бялого, который писал: «Любопытно, что у Аркадиной и Тригорина артистический профессионализм проникает в жизнь, в личные отношения. Когда Тригорин начинает “безумствовать”, Аркадина укрощает его профессионально разыгранной театральной сценой с коленопреклонением, целованием рук и соответствующими случаю словами, причем, самыми банальными. Здесь действует гипноз любовных слов, а не их оригинальность»⁵. Именно в этом и заключается одна из сторон этой новой театральности, которую привнес в театр Чехов своей новаторской драматургией.

Чехов и Немирович-Данченко оба писатели-восьмидесятники, почти одновременно выступившие в печати и бывшие еще в домхатовскую эпоху литератора-

¹ Немирович-Данченко В.И. Из прошлого. М.: Гослитиздат, 1938. С. 54.

² Переписка А.П. Чехова: В 2 т. Т. 2. С. 137.

³ Там же. С. 143.

⁴ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 3. М.: Наука, 1976. С. 302.

⁵ История русской драматургии. Вторая половина XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1987. С. 452.

ми-единомышленниками. Их личное знакомство произошло в середине 1880-х гг., когда они вместе сотрудничали в журнале «Будильник». Оба они вышли из московской прессы 1880-х гг., как это обычно говорится применительно к сверстникам Чехова. Во многих беллетристических произведениях Немировича-Данченко («Губернаторская ревизия», «Старый дом», «Сны»), как отмечалось неоднократно в исследовательской литературе, явственно звучат чеховские интонации, чеховское отношение к людям и жизни, – словом, большая внутренняя связь с Чеховым. На склоне лет, уже подводя итоги и оценивая значение Чехова в своей жизни, Немирович-Данченко писал в своих мемуарах «Из прошлого»: «Я вспоминаю о Чехове неотрывно от той или другой полосы моих личных, писательских или театральных переживаний. Мы жили одной эпохой, встречали одинаковых людей, одинаково тянулись к схожим мечтам, и потому понятно, что новые краски, новые ритмы, новые слова, которые находил для своих рассказов и повестей Чехов, волновали меня с особенной остротой. Мы как будто пользовались одним и тем же жизненным материалом для одних и тех же целей»¹.

Но все же главным, что связывало этих двух сверстников и современников, был, конечно, театр и надежды на его грядущее обновление, острая неудовлетворенность тогдашним состоянием сцены. Но Немирович-Данченко тем не менее был вполне традиционным беллетристом и драматургом в духе своего времени, и характерно, что поначалу чеховские театральные новации, начавшиеся с пьесы «Леший», не вполне были им поняты. В письме к Чехову от 6 ноября 1889 г. он обмолвился о «невладении Чеховым “сценическими требованиями”»². Но в то же время и как драматург, и как театральный критик уже в 1980-х гг. Немирович-Данченко наиболее важной считал жизнеспособность пьесы, отсутствие каких бы то ни было нарочитых эффектов при театральном ее воплощении, тем самым еще когда Художественного театра и в помине не было, во многом прочувствовал основные принципы будущего мхатовского театрального искусства.

Как драматург Немирович-Данченко имел известное имя, его лучшие пьесы в течение почти 20 лет (с 1882 по 1901 г.) шли на разных сценах, в том числе и в Художественном театре. Наиболее значимыми его пьесами считаются «Новое дело», «Цена жизни», «В мечтах» – преимущественно в этих своих драматургических произведениях он во многом (возможно, параллельно с Чеховым, а также, по всей видимости, испытав его влияние как более крупного таланта, нежели он сам) предвосхитил новые театральные открытия, осуществленные на рубеже веков МХТом: настроение, подтекст, «подводное течение», – проявившееся в большой скрытой психологической насыщенности конфликта, т. е. то, что так законченно проявилось в драматургии Чехова, имевшей огромное влияние на все искусство XX в. Так, в пьесе «Новое дело» умная тонкая насмешка, которой овеяна в комедии история гибели дворянского гнезда Столбцовых, напоминает чем-то «Вишневый сад» Чехова³.

Таким образом, Немирович-Данченко является одним из самых близких «спутников» Чехова.

¹ Немирович-Данченко В.И. Из прошлого. М.: Гослитиздат, 1938. С. 12.

² Там же. С. 14.

³ См.: Евнин Ф.И. Вл.И. Немирович-Данченко. Повести. Пьесы. М.: ГИХЛ, 1958. С. 16.

ЛИТЕРАТУРА

- Амфитеатров А.В.* Собр. соч. Т. XXXV. СПб. [Б.г.].
- Евнин Ф.И.* Вл.И. Немирович-Данченко. Повести. Пьесы. М.: ГИХЛ, 1958. 478 с.
- История русской драматургии: Вторая половина XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1987. 660 с.
- Катаев В.Б.* Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова / Под ред. В.Б. Катаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 5–48.
- Келдыш В.А.* Русский реализм XX века. М.: Наука, 1975. 279 с.
- Литературное наследство. Т. 68. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 974 с.
- Немирович-Данченко Вл.И.* Из прошлого. М.: Гослитиздат, 1938. 298 с.
- Переписка А.П. Чехова: В 2 т. М.: Худ. лит-ра, 1984.
- Соболев Ю.В.* Чехов. Статьи, материалы, библиография. М.: Федерация, 1930. 345 с.
- Толстая Е.* Поэтика раздражения. М.: Радикс, 1994. 398 с.
- Турков А.М.* Чехов и его время. М.: Советский писатель, 2003. 461 с.
- Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
- Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1952. 568 с.
- А. П.Чехов и его время. М.: Наука, 1977. 359 с.
- Штейнгольд А.М., Табориская Е.М.* Феномен театра А.Н. Островского и А.П. Чехова // *Studia Metrica et Poetica*: Сб. статей памяти Петра Александровича Руднева. СПб.: Академический проект, 1999. С. 236–246.
- Энергия. Сборник 3 / Под ред Александра Амфитеатрова. СПб., 1914. 380, [4] с.

REFERENCES

- Amphitheatrov A.V. The Complete Works. Vol. 35. St.-Petersburg.
- Evnin F.I. (1958) Vl.I. Nemirovich-Danchenko. The Long-Short Stories. Plays. Moscow. 478 p.
- History of Russian Drama: The Second Half of the 19th – the early 20th century. Leningrad. Nauka Publ. 1987. 660 p.
- Kataev V.B. (1982) Chekhov and His Literary Environment (the 80-ies of the 19th century). In: *Satellites of Chekhov* / Ed. by V.B. Kataev. Moscow. Lomonosov Moscow State University Press. 1982, pp. 5–48.
- Keldysh V.A. (1975) Russian Realism of the 20th century. Moscow. Nauka Publ. 279 p.
- Literary Heritage. Vol. 68. (1960) Moscow. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 974 p.
- Nemirovich-Danchenko Vl. I. (1938) From the Past. Moscow. Goslitizdat Publ. 298 p.
- Correspondence of A.P. Chekhov: In 2 vols. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1984.
- Sobolev Yu.V. (1930) Chekhov. Articles, Materials, Bibliography. Moscow. Federacia Publ. 345 p.
- Tolstaya E. (1994) Poetics of Irritation. Moscow. Radiks Publ. 398 p.
- Turkov A.M. (2003) Chekhov and His Time. Moscow. Sovetsky Pisatel. 461 p.
- Chekhov A.P. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Moscow. Nauka Publ. 1974–1983.

Chekhov in Memoirs of His Contemporaries. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1952. 568 p.

A.P. Chekhov and His Time. Moscow. Nauka Publ. 1977. 359 p.

Shteyngold A.M., Taborisskaya E.M. (1999) The Phenomenon of the Theater of A.N. Ostrovsky and A.P. Chekhov. In: Studia Metrica et Poetica: The Collection of Articles in Memory of Peter Alexandrovich Rudnev. St.-Petersburg. Academicheskyy Proekt Publ. 1999, pp. 236–246.

Energiya: The Collection 3 / Ed. by Alexander Amfiteatrov. St.-Petersburg. 1914. 380, [4] p.

Сведения об авторе:
Марина Львовна Калугина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina L. Kalugina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ri-n@mail.ru

Chekhov and His Contemporaries: Rapprochement and Repulsion